

НАЧАЛО

Каждый год папа ждет их. Говорит, их появление означает, что пришла зима... близится Рождество. Начинается все самое замечательное.

Мальчиком он каждый год в определенный день сажался с бабушкой и дедушкой позади их дома, на поле возле озера, и ждал. Было холодно и темно, а однажды, по его рассказам, даже разразилась снежная буря. Но даже тогда дедушка был уверен, что они прилетят. Раньше папа считал, что дедушка волшебник, раз всегда знает об их приближении.

Помню, и я сидела у этого озера, но воспоминание больше похоже на сон, чем на реальность.

В последний раз мы все вместе сидели на том берегу шесть лет назад, накануне той зимы, когда умерла бабушка. В последнюю зиму, когда дикие лебеди прилетали на дедушкино озеро.

Мы все сгрудились тогда у кромки воды; от одеяла, которое накинули мне на плечи, пахло, как в старых шка-

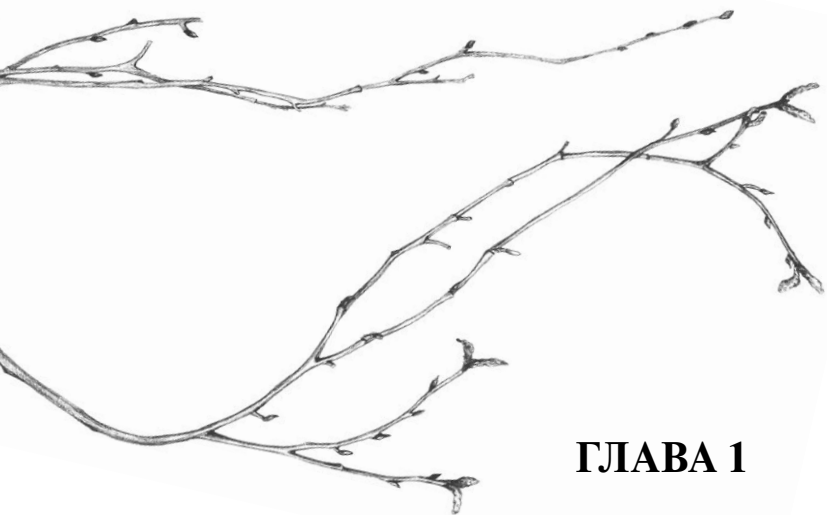
фах. Бабушка протянула мне бутерброд с сыром, а де-душка раздал всем кружки с горячим шоколадом. Я еще не проснулась до конца и молчала, но зато внимательно смотрела.

И вот они прилетели, возникли из ниоткуда, словно сказочные существа. Как будто вынырнули из облаков. Их освещало рассветное солнце, и в его лучах они казались белоснежными. Почти серебристыми. От взмахов крыльев дрожал воздух.

Я до сих пор помню, с каким выражением папа смотрел на них. Помню его широко раскрытые глаза. Как он закусывал губу, словно боялся, что птицы не долетят. Когда они начали кружить над озером, папа весь подался вперед, словно тоже собирался приземлиться.

Я уже тогда любила их. Как и папа. Но и опасалась немного. Меня пугало то, насколько внезапно они появляются целым клином. Будто мы сами их выдумали или они прилетели из иного мира.

В этом году все начиналось так же. Папа, взволнованный, стучал в мою дверь. Лебеди должны были прилететь... А потом все изменилось.

ГЛАВА 1

Раннее утро. Так холодно, что невозможно вылезти из кровати, но папа уже стоит у моей комнаты и тихонько барабанит пальцами в дверь.

— Айла, — шепчет он, — ты идешь? Они уже здесь, в небе над заповедником. Я уверен.

Я пытаюсь сфокусировать взгляд на темных предметах у кровати... Письменный стол, стул, погребенный под школьной формой. Джинсы и свитер комком валяются на ковре. Задержав дыхание, я высовываю голые ноги из-под одеяла и сажусь. Обхватываю себя руками, чтобы согреться. Папа снова стучит в дверь.

— Да-да, я уже встала, — шепчу я.

Натягиваю джинсы и свитер. Потом нахожу в ящике самые теплые носки и пытаюсь согреться. Отопление еще не включили. Сейчас очень рано, на улице еще темно. Дверь скрипит — папа приоткрывает ее совсем чуть-чуть, но я уже вижу его широкую улыбку.

— Что ты копаешься? Можно подумать, ты еще не проснулась.

— Так и есть.

Я поворачиваюсь к нему и провожу рукой по волосам — интересно, я не слишком лохматая?

— Не волнуйся, ты очень красивая, — шепчет он, уже повернувшись к выходу. — Но птицам, в общем-то, неважно.

Я возвращаюсь, чтобы взять ободок для волос, потом, сонно потирая глаза, догоняю папу, который уже спускается по лестнице. Мы оба перешагиваем через скрипящую ступеньку: боимся разбудить маму или Джека. Это только наше время, мое и папино. Мой брат Джек иногда ездит с нами, если не собирается играть в футбол, но, как правило, только мы с папой наблюдаем за птицами. После той зимы шесть лет назад лебеди-кликуны начали прилетать на другое озеро, в заповеднике на болотах. Иногда я надеюсь, что они вернуться на дедушкино озеро, но папа говорит, что этого не случится, потому что там теперь все плотно застроено.

Мы проходим мимо ванной. Я задумываюсь, не почистить ли зубы, но чувствую, что папа взбудоражен, буквально лопается от нетерпения. С ним всегда так. Только проснувшись, он тут же начинает двигаться. Единственное, из-за чего он готов постоять неподвижно, — это птицы.

Он хватает с кухонного стола термос, наполненный кофе. Я достаю кусочек хлеба, но, подумав, забираю с собой целый пакет: вдруг папа тоже захочет есть.

Пока он запирает дом, я переминаюсь с ноги на ногу и дышу на руки, чтобы согреться. За ночь лужайку перед домом запорошило снегом. От мороза трава хрустит под ногами, а дорожка превратилась в настоящий каток. Чтобы добраться до машины не упав, я вцепляюсь в папину руку.

На нашей улице никто еще не проснулся. Вокруг сонно и тихо. Даже в пабе на углу тишина. Во всем мире бодрствуем только мы. Только мы и птицы.

В машине я включаю отопление на полную. Слегка улыбаюсь папе, чтобы показать, что уже просыпаюсь. И вот мы уже в пути.

— Обычно не бывает так холодно, когда они прилетают, — замечаю я.

— Таких холодов не было уже двадцать лет. Кто-то говорил, что лебеди совсем не прилетят. Но они прилетели. Стая уже много дней в пути.

— А откуда ты знаешь, что они прилетят именно сегодня?

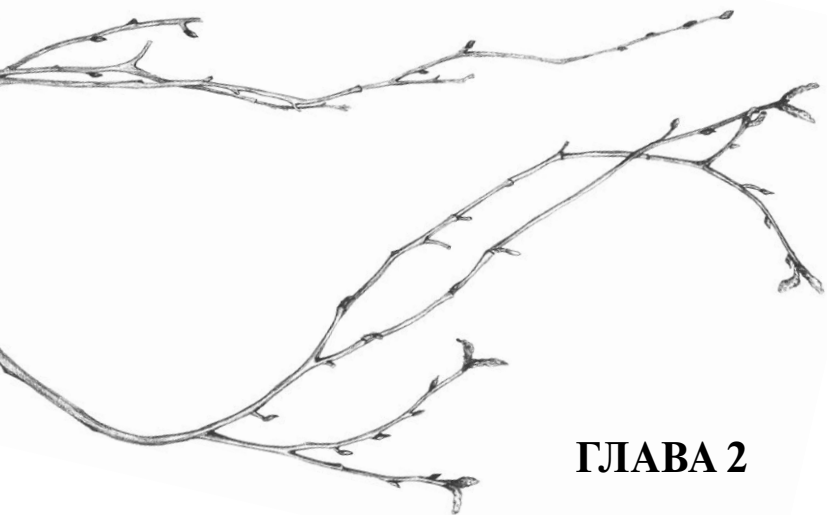
Папа пожимает плечами:

— Просто чувствую.

Он смотрит на дорогу. Я закрываю глаза и пытаюсь еще немножко вздремнуть, но слышу, как папа безостановочно барабанит пальцами по рулю. Снова открываю глаза. Папа, как обычно, кусает губу. Каким бы уверенным ни был его тон, он все-таки каждый год волнуется, что лебеди не появятся. Сегодня у папы под глазами темные круги, и он выглядит более усталым, чем обычно. Мама говорит, что он сейчас не очень хорошо себя чувствует: на прошлой неделе его отпустили с работы пораньше, и мама из-за этого переживала. Но больше я ничего не знаю. Мне он просто кажется утомленным.

Мы выезжаем на кольцевую дорогу. Обгоняем длинный грузовик с продуктами из супермаркета; его фары ярко светятся в предрассветной мгле. И все. В остальном дорога пуста. Но небо уже светлеет, меняет цвет с черного на фиолетовый, потом на серый. Из темноты проступает живая изгородь. Я достаю из пакета у себя на

колених кусочек хлеба и начинаю неторопливо жевать. Второй кусок протягиваю папе. Он выключает дальний свет. Никому из нас не хочется слушать радио: кажется, будто оно может что-то испортить. У нас с папой есть ощущение, что зима не наступит, пока мы не проедем ранним холодным утром по всем этим дорогам. Поездка на машине в заповедник — это всегда начало.

ГЛАВА 2

Наша машина проезжает мимо столбов и странных зданий металлургического завода, мимо входа в новую электростанцию. Поворачивает налево, к парковке у заповедника, и едет по большим лужам. Кроме нас, здесь никого нет. Слишком рано и холодно даже для самых отчаянных любителей птиц. Ни одного работника еще нет на месте — туалетная кабинка пока закрыта. Если бы не папа рядом, я чувствовала бы себя очень неудобно. Он нажимает на тормоз, я выхожу из машины и прислушиваюсь. Ни единого звука... не слышно даже скрежета металлургического завода и отдаленного гула шоссе. Небо тяжелое и серое, словно зимнее одеяло. Кажется, скоро пойдет снег.

Папа достает бинокль, и мы идем вперед. До озер недалеко. По узкой грязной дорожке вдоль речки, потом вверх на пригорок, где ветер почти сбивает с ног, а потом между зарослями камыша и осоки. Папа идет быстро, не задумываясь, поспеваю ли я за ним. У меня вскоре сбивается дыхание, от холодного воздуха начи-

нает саднить горло. Папа останавливается, чтобы подобрать смятый пакет из-под чипсов у края дороги, и когда он наклоняется, я вижу, как у него изо рта вырывается пар. Мы прислушиваемся. Не слышно обычных лебединых криков или шипения. Вокруг тихо, слишком тихо для птичьей стаи. Может, они все-таки решили остановиться в другом месте, севернее? Папа так расстроится. Он смотрит в небо, проверяет. Ничего.

— Ты уверен, что сегодня?

Папа рассеянно кивает.

— Да, должно быть сегодня.

Он всегда может точно сказать, когда прилетят лебеди. Всегда. Как ни удивительно, если в чем он и оказывается всегда прав, так именно в этом. Иногда мне кажется, что это свойство — единственное, что он унаследовал от дедушки... единственное доказательство того, что они родня.

Мы делаем последний поворот и оказываемся у большого озера, любимой стоянки лебедей. Проходим еще несколько метров... Но там нет вообще никаких птиц. Нет даже ни одной кряквы или лысухи. Вода неподвижна, словно стекло, не видно даже легкой ряби. В этот момент кажется, будто в мире исчезли все птицы.

— Не понимаю, — бормочет папа.

Он качает головой, хмурится. Крутится на месте, рассматривая небо от края до края. Я тоже поднимаю голову.

— Может, мы приехали слишком рано? — спрашиваю я.

Папа разворачивается и идет по тропинке от озера. А я думаю о диких лебедях-кликунах: какие они умные, ведь они пролетают сотни, а то и тысячи миль от Исландии до нас. Вдруг в этом году они сильно устали и не смогут преодолеть последнюю часть пути? А мо-

жет, им надоела эта замерзающая земля, как надоело раньше дедушкино озеро. Может, нам придется вместо них смотреть на лебедей-шипунув. Мне становится почти смешно, когда я представляю, как папа восхищается шипунами. Мы оба знаем: в отличие от кликунов, в них нет ничего загадочного. Никакого волшебства.

Папа идет по главной дороге вниз, к реке. Он ищет удобную точку обзора. Держит бинокль у глаз, всматривается в небо. Потом замирает: он что-то заметил. Отдвигает от глаз бинокль, смотрит вверх прищурившись, потом снова в бинокль.

— Что там? — спрашиваю я.

— О нет! — произносит он и опускает бинокль, который продолжает болтаться у него на шее.

Папа срывается с места и пускается бегом. Меня так испугало выражение его лица, что несколько секунд я не могу двинуться с места и смотрю, как он убегает от меня по тропинке. Папа бежит не в ту сторону, откуда обычно прилетают лебеди. Но он что-то там увидел.

— Что? — снова кричу я.

Он уже очень далеко и не может ответить. Я бросаюсь вслед. На ходу всматриваюсь в небо, пытаюсь понять, что же заметил там папа. Мне некогда останавливаться и смотреть в бинокль. Папа бежит к дальнему краю заповедника, к тому углу, где теперь стоит новая электростанция. Я резко перевожу на нее взгляд: это солидное здание, немного недостроенное, с длинными яркими трубами для строительного мусора по фасаду. От него идут опоры линии электропередачи, установленные всего несколько месяцев назад. И вдруг я понимаю, *что*, скорее всего, увидел папа, о чем он сейчас думает. Внутри у меня все сжимается. Я прибавляю скорости, чтобы догнать его.

Я почти поравнялась с папой, когда заметила лебедей. Их около двадцати, меньше, чем обычно, но они крупные, это точно кликуны. Они растянулись по небу, летят огромным клином, синхронно взмахивая крыльями. Наверное, они направляются к главному озеру, трубя и перекликаясь на лету. Я останавливаюсь и смотрю на них. Много раз я видела эту картину, но она поражает меня до сих пор. Этот утренний свет на их перьях. Тихий шорох их крыльев. То, какие они огромные и при этом изящные... невообразимо красивые. В эти моменты я всегда понимаю, почему папа так их любит.

А потом папа начинает кричать и махать им и возвращает меня обратно в морозное утро.

— Мы должны их остановить! — кричит он.

Я быстро снимаю пальто и принимаюсь размахивать им над головой. Подпрыгиваю как можно выше. Никакого толку. Все их внимание занято тем, чтобы добраться до главного озера. Они нас не замечают.

— Они сейчас врежутся, — говорит папа.

И тогда мне становится дурно, просто физически плохо, оттого что я понимаю: он прав. В бледном утреннем свете лебеди не увидят проводов, натянутых между опорами; не заметят на своем пути этих страшных препятствий. На проводах нет красных сигнальных шаров, хотя городской совет обещал их повесить, нет ничего, что предупредило бы птиц. Я кричу изо всех сил:

— Назад! Улетайте отсюда!

Но они нас не видят. Но даже если бы видели, мы не смогли бы их остановить.

— Айла, не надо, — шепчет папа. — Не смотри.

Но я должна это увидеть. Во рту пересохло. Руки безвольно опускаются. Передний лебедь летит так решительно, голова двигается вперед-назад в такт взмахам крыль-

ев. Он точно знает, куда направляется, он уже надеется на отдых. Остальная стая доверяет ему. Папа издает какой-то странный сдавленный звук, когда лебеди как будто начинают сомневаться. Они замедляют свой полет, немного меняют направление, и в какой-то момент мне кажется, что они увидели провода. Я издаю беззвучный смешок, когда они начинают яростно бить крыльями, чтобы подняться повыше. Может быть, у них все получится.

Но уже слишком поздно.

Даже отсюда я слышу шипение, когда первая птица натывается на провод. Она падает на землю, удивленно вывернув голову. Крылья бессильно опускаются, из них выскальзывают перья. Мне становится ужасно больно, под ребрами саднит. Я громко охаю. Папа обнимает меня и притягивает к себе. Он тоже учащенно дышит. Дрожая всем телом, он крепко сжимает меня в объятиях. Я зарываюсь головой в его пахнущую костром куртку, но все равно слышу удар и шипение, когда второй лебедь натывается на провод. А потом и третий. У меня перехватывает дыхание. Внутри все болезненно сжимается. Затем раздастся крик, громкий и пронзительный: птицы предупреждают друг друга об опасности. Все больше и больше птиц начинает кричать. Паника, яростное хлопанье крыльев.

— Я должен был догадаться, что это произойдет, — бормочет папа, и голос его дрожит, как я и ожидала. — Эти идиоты поставили столбы прямо у них на пути, и никаких знаков...

Он еще крепче прижимает меня к себе, так сильно, что мне кажется, я слышу биение его сердца. Я изо всех сил прислушиваюсь к этому звуку. Все что угодно, только бы не слышать птичьих криков. Бум-бум. Словно папа тоже хлопает крыльями. Порыв ветра свистит у меня в ушах, забирается под воротник, отбрасывает волосы на

лицо. Папа подбирает мою куртку с тропинки, где я ее бросила, и накидывает мне на плечи.

— Надень, — говорит он. — Холодно.

Я поднимаю голову и вижу в его глазах слезы.

— Все закончилось?

Он кивает. Я отодвигаюсь от него и смотрю в небо. Никаких птиц там уже нет, только несколько перьев осталось на проводах.

— А они... сколько птиц ударилось о провода?

Папа держит мою куртку, чтобы я просунула руки в рукава.

— У птиц, которые летели сзади, было достаточно времени, чтобы развернуться. Все не так плохо.

Я оборачиваюсь.

— Они на главном озере?

Папа качает головой и смотрит в небо.

— Они все еще там, наверху. Сомневаюсь, что теперь они станут здесь зимовать.

Я прикрываю рукой глаза от солнца. Далеко в небе черные точки лебедей быстро летят по направлению к городу над руслом реки. Папин взгляд устремлен на другого лебедя: он медленно парит над заповедником, гораздо ближе, чем остальные. Он молодой, еще серый и небольшой. Может быть, самка. Она совсем одна. Отбилась от стаи. По тому, как медленно она кружит над землей, а потом опять устремляется ввысь, я понимаю, что она сбита с толку, не знает, нужно ли ей садиться на озеро. На какой-то миг мне приходит в голову мысль: вот бы и мне оказаться сейчас там, наверху, показать ей, куда лететь. Она вообще понимает, что ее стая улетает все дальше и дальше с каждым кругом, который она делает над озером? Я снова чувствую боль в груди. Не хочу сводить с нее глаз. Кажется, если я отвернусь, она упадет.

Папа направляется к небольшому озеру неподалеку. Он пробирается к зарослям камыша по берегу под проводами, к тому месту, куда упали лебеди. Я бегу за ним и хватаю его за руку.

— Мы должны посмотреть, Айла, — решительно говорит он. — Может быть, мы еще сможем их спасти.

Я не отпускаю папину руку, а он пытается стряхнуть меня, чтобы подойти к птицам. Я ищу глазами примятую траву — там лежат лебеди. Мне не хочется смотреть на них в таком состоянии, израненных, искалеченных. Лучше помнить их такими, какими они были до столкновения с проводами: как они летели, прямо и красиво, а на их перьях сверкал утренний свет. Но я знаю, что папа прав. Мы должны попытаться их спасти.

Папа тянет меня за руку, и я вижу, что здесь три птицы.

— Только три, — тихо говорю я. — Могло быть хуже.

Их белые мягкие тела покачиваются на воде, застряв в камышах между тропинкой и глубокой водой, перья намокли и отяжелели.

Папа снимает с шеи бинокль и передает мне. Он входит в воду.

— Вода ледяная... — начинаю я, но папа суровым взглядом велит мне замолчать.

Он делает резкий вдох, когда вода доходит ему до коленей. На поверхности плавают небольшие льдинки. Слышно, как его сапоги чавкают в илистом дне. Добравшись до первого лебедя, папа подтягивает его к себе и переворачивает.

— Мертвый, — говорит он.

Я вижу, как он сжал челюсти. Папа ненавидит все мертвое. Он любит то, что переполнено жизнью и энергией, как и он сам. Он продвигается вперед, к следующей птице, а я подхожу к кромке воды.

— Давай помогу.

— Нет. Тут правда очень холодно.

Первого лебедя прибывает к берегу. Наклонившись, я протягиваю руку и хватаю его за крыло. Подтаскиваю к себе. По низу длинной шеи идет глубокая красная рана от провода. Перья вокруг нее почернели и пахнут почему-то жженым пластиком. Я касаюсь пальцами груди лебедя. Он еще теплый, но сердце уже не бьется. Я отворачиваюсь, увидев мертвые, остекленевшие глаза птицы.

Папа осматривает второго лебедя.

— Мертвый, — бормочет он опять.

Он смотрит мне в лицо, проверяет, сильно ли я расстроена, а потом направляется к третьему лебедю. Этот меньше, чем предыдущие, и оперение у него серо-коричневое. Это молодая особь, наверное, он впервые летел на зимовку. Может быть, это брат той самки, которая кружила над заповедником. Как это несправедливо: он долго летел только для того, чтобы в конце так бездарно погибнуть. Папе пришлось зайти в воду по самые бедра, чтобы дотянуться до него. Ветер становится сильнее, камыши громко шуршат, я чувствую, что дыхание сперло.

— Пап, выходи оттуда, — говорю я, откидывая назад волосы, которые снова лезут в глаза. — Жуткий холод. Ты же можешь умереть.

Но он уже возвращается ко мне, таща по воде лебедя.

— Давай, помоги мне, — говорит он.

Он опускает руки под воду и поднимает птицу. Выходит на берег, и я протягиваю к нему руки. Касаюсь мокрых мягких крыльев. Лебедь тихо шипит. Я стараюсь не смотреть на обугленную рану на плече птицы и поднимаю руки повыше, чтобы крепче ухватить ее.

— Он жив, Айла, — шепчет папа. — Этот жив.